

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ПРОЗА

ЕМЕЛЬЯН
МАРКОВ

Третий ход
РОМАН

Москва
2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Оформление серии *Сергея Груздева*

Марков, Емельян Александрович.

М26 Третий ход : роман / Емельян Марков. — Москва : Издательство «Э», 2016. — 320 с. — (Интеллектуальная проза Емельяна Маркова).

ISBN 978-5-699-92188-1

«Третий ход» у пожарных значит, что дело серьезное, огонь угрожает жизни. Но эта книга, вопреки названию, почти не о пожарных. Ее герои борются с другим огнем: талантливые, жалкие, мужественные, мечтательные и насмешливые, герои романа скрывают тоску своих бессмертных душ по высокой и светлой любви.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Марков Е., 2016
© Оформление. ООО «Издательство
«Э», 2016

ISBN 978-5-699-92188-1

Часть первая

КОЛОДИН

I

Дешево, всё

Для пожарного главное — поспать. Раз в четверо суток он становится пожарным, человеком долга, а в остальное время он невесть кто. Студент, торговец, шофер, музыкант, художник, великий русский писатель, часто просто шалолай, ведущий таинственную жизнь. Но каждый четвертый день его жизни грядет праздником, очищением, оправданием и страхом. Однако заступает он в смену и не думает ни об очищении, ни об оправдании, даже страх сходит с него. Только бы вздремнуть, — тихо, хвойно, берложно, завьюженно, укротно, вдохновенно, умиротворенно храпнуть. А когда диспетчер сообщает о пожаре, то с самого скольжения по спусковому шесту сквозь отверстие в полу начинаются грамотные действия и выполнение приказа. О празднике пожарный, правда, думает, но совсем о другом празднике — свободы от приказа, свободы от всего.

Митя Мятлев работал в третьем ходе, самом опасном, поднимался по автолестнице в огнедышащее окно. Пожарный расчет выезжает в один,

Емельян Марков

два, три хода. Первый — это машина с канистрой и рукавом. В один ход тушат слабые возгорания, скажем, мусорного контейнера во дворе или комка (коммерческого ларька). Второй ход — машина с автонасосом, подключаемым через тротуарный люк к гидранту; тут уже серьезный напор, струя добивает до пятого-шестого этажа. Третий ход — машина с автолестницей и магистралкой, многоколенной широкой кишкой. Третий ход посылают, когда возгорание происходит в верхних этажах и нужно лезть в окно.

Мятлев — непомерной силы человек, поджарый и огромный, как атлант. Где другому, чтобы взломать запертую или заклинившую дверь, надобен лом, пила-болгарка, пожарный топорик, Митя справлялся руками. Хлопком ладони он высаживал оконную раму, как огромный голодный хищник, впрыгивал в квартиру, выталкивал с коротким ошеломляющим грохотом запертые двери и вытаскивал людей, часто обморочных или в истерике. Иные, одуревшие от угарного газа, принимали Митю за дьявола, который поволочет их сейчас в преисподнюю, и сопротивлялись, но сопротивление Мите было бесполезно. Митя тащил их, наоборот, к жизни, спасению.

После смены, сопряженной с получкой, Митя последнее время поступал следующим образом. Отковыривал пальцем дверцу своего незапертого почтового ящика, доставал бесплатную газету. Дома (жил он один) разворачивал газетные листы, находил чаемую колонку интимных услуг, пробегал ее хмарным, усталым взглядом: «приветливая, страстная блондинка... все виды интимных услуг,

Третий ход

пикантная опытная брюнетка поможет забыть-ся... бирюлевские гейши помогут вам окунуться... рыжая гетера удовлетворит самые смелые желания, студентки-заочницы, лучшие индивидуалки, феи из ближнего зарубежья, недорого...» А! Вот оно. «Дешево, всё». Не отрывая взгляда от «дешево, всё», Митя брал телефонную трубку.

У Мити была постоянная женщина, которую он любил. Он не говорил себе, что любит ее, как он себе ничего не говорил, когда принимал публичную женщину и когда поднимался в воющее пламенем окно. Он вообще ничего почти себе не говорил, все было сказано еще в молодости, что — он забыл, но сказано всё. Иной человек мечтает поймать себя на отсутствии мысли и не может, вот уже и возраст, а он никак не поймает себя на отсутствии. У Мити не было мыслей, ему и без них было о чем помечтать, он мечтал о Людмиле, она была его единственной страстной мечтой и единственной мыслью.

С Милой Митя познакомился, когда тушили в ее доме мусоропровод. Засунули в мусоропроводную трубу на последнем этаже кишку, подключенную к аварийному отводу, и пустили воду. Митя тогда работал в первом ходе. Он стоял на площадке первого этажа праздный: первый ход не был его призванием, тогда Мятлев еще не нашел себя. Мила вышла на лестничную клетку взлохмаченная. Митя кратко оглядел ее белое, избалованное мужской лаской приземистое тело, облаченное лишь в домашний халатик. Мила слегка выпячивала живот, ее гладкие ножки стояли широко, как у куклы. Контраст — его, перегруженного казенной амуницией, и ее, в одном ветхом халатике, —

Емельян Марков

поразил Митю. Каре-зеленые глаза, губы, верхняя галочкой, жадно взывали издалече, из мглы снов, а вблизи Мила расхохоталась утробным благоухающим смехом над Митей, над соседями, что выбегали из квартир с пластмассовыми, полными воды ведрами, над пугающим соседей дымом.

— О! Приехали! А вот когда действительно гореть будем, никто не придет, — произнесла она.

Митя запомнил номер квартиры и пришел на следующий день.

— Кто? — спросила через дверь Мила.

— Вчерашний пожарный.

— Вчерашний? — удивилась Мила, открыла дверь. — А что, опять пожар?

— Да, в душе, — сказал Митя и сам изумился непривычному слову.

— Так вы ухаживать?.. — Мила раздумчиво помяла свой белый кукольный подбородок. — А где же цветы? Я без цветов...

— Будут цветы, потом. Все будет — и цветы, и конфеты.

— Проходите на кухню, — сказала Мила.

Митя разулся, снял плащ и пошел по коридору медленно, будто на ощупь.

— У вас, наверное, уже в глазах темно от постоянных пожаров!.. — захохотала Мила.

Митя взял ее за плечо, она не противилась.

И не сказать, что у них вышел серьезный роман. У них завязалась крепкая дружба. Мила сразу не сохранила верность Мите, а Митя, старомодный человек в глубине души, не то что не простил — он не мог не простить Милу, — просто опасался ее

Третий ход

убить. Да и сама Мила тоже почувствовала себя не в своей тарелке: не стыдно или горько — ей стало так грустно, что захотелось или плакать, или петь, но не получалось ни заплакать, ни запеть. В такую яркую минуту Мила взяла за горлышко со стола опорожненную ею с Митей бутылку портвейна, отбила ее о подоконник. В своей покорной любви Митя показался неуязвимым, она была маленькая, нечистая, полупьяная, а он огромный, кристально чистый и пьяный абсолютно, вломину. И тогда безмолвно и торжественно она взметнула отбитую бутылку, еле касаясь пола босыми ногами, подлетела к Мите и вонзила ему «розочку» в грудь. После небольшой, так знакомой Миле (она работала медсестрой) паузы заструилась кровь. Митя стоял также неподвижно. Мила вызвала «Скорую». Суда не было, Митя не допустил бы суда над Милой. А «розочка» о его мощную глухую грудь только покрошилась, нанеся поверхностные ранения.

У Милы было прошлое, и это прошлое норовило стать настоящим. Из прошлого вычленились люди и под маской настоящего возвращались в жизнь Милы. Мила срывала с них маски, как бы говоря: «Знаю я тебя!» Она одна была настоящим призраком, настоящей феей, настоящей Коломбиной, настоящей куклой в этом карнавале бытия. И потому ее постоянно подмывало сорвать маску, или полумаску, с окружающих ее ряженных, чтобы обнаружить там то же самое свое пресловутое прошлое. Только Митя был тоже настоящий — вампир, арлекин, фавн, оборотень, словом, тоже всамделешный призрак. И он помогал ей, скрашивал ее одиночество наедине с прошлым.

Емельян Марков

II

Пустой стакан кагора

Красным пламенем
настурции горят.

Иван Бунин

Руки втянуты в длинные рукава черной кожимитовой куртки, связка крупных ключей свисает из одного; черная полушерстяная шапочка похожа на монашескую скуфейку; в изжелта-белых валенках выше колен ловчее взбираться на сугроб, чем степенно ходить по ровной дороге. Дворник не должен работать слишком красиво, лишний раз привлечь внимание начальства; и потом, снежные кручи, куда, как ананас в небеса, забрасываешь с лопаты порцию снега, все равно возвращают снег к твоим ногам досадной лавинкой. Так что скрепя сердце срываешь сугробные верхи.

Церковный сторож, он же дворник, Андрей Колодин совершал вечерний обход территории храма. Выразительные утонченные лицевые кости делали Колодина много красивее издали, чем вблизи. Вблизи обнаруживались слишком пухлые губы, слишком мягкий нос, но глаза и вблизи оставались прекрасны, хотя выражение их сбивало с толку, потому что толку в их выражении не было.

В диагонально противоположных углах подворья Андрей запер на висячие замки ворота и калитку и глянул на ветви высоких тополей за оградой; бесспорно, это были его тополя, хотя формально они принадлежали детскому саду.

Третий ход

Поздними вечерами, один на подворье, Андрей, как правило, бывал счастлив. Снегопады не слишком омрачали счастье. Так что один в поле воин. А разгуляться истинно было где на воле. Тротуары засыпало стремительно, как глаза, но, помимо тротуаров, сторож вычищал ступени высоких крутых белокаменных лестниц северного и западного храмовых крылец, уйму укромных крылечек, как то: три крылечка нижнего храма, два маленьких крылечка... У вас лопнуло терпение, вы отвернулись и в высоких изжелта-белых валенках степенно, даже слишком степенно, таковы валенки, пошли по метеной дорожке прочь, хорошо, хорошо в валенках! А я все перечисляю, загибаю на морозе пальцы вам вслед. Так вот, значит, два маленьких: трапезной и крестильни, оно же — к иерейским кельям, и одно побольше, настоятельское (значимо подмигиваю) с выходом на площадку для иерейских автомобилей, площадку сторож тоже чистит. А откосы цоколей? А красной плитки просторные парадные эспланады перед западной и северной лестницами? А еще два крылечка бухгалтерии и непосредственно дворницкой с телефоном? Вы с треском рукава в подмышке издали отмахиваетесь, словно камень бросаете или снежок: изыди, уймись, ирод! Ирод, да? Тут станешь иродом. Потому как площадка перед туалетом, стежки дорожки всякие, и еще наступает продавщица церковного ларька: как посмел вокруг ларька не почистить?! Да я, да вы... Ага!.. Я, вы, я тебе... Я вот настоятелю. Да чистил я, намело... Ага, намело, а лед, а лед почему не сколол? «Намело»... А если я руку-ногу сломаю?

Емельян Марков

«Намело»... Да как колоть на таком морозе?! А ты песочком, песочком... Смягчается. Песочком... Песочком можно... Ты чего песка навалил?! — гремит комендант. — Народ песок в храм на ногах тащит!.. А лед же... Дети и старики... лед... Лед! Мать твою! Давай сейчас же сметай песок, лом в руки и скалывай. И пошел, пошел к себе. Да... Какой скорый... Скалывай. Так всю плитку перед лестницей и переколешь, ведь сам будешь рвать и метать, а сейчас: «Скалывай»... Староста тут как тут, мерлушковая борода. А ты потюкай, потюкай для виду, что с ним спорить? Опасливо вслед рыкающему коменданту. Вот и стоишь тюкаешь. Так что, мил-человек, разве только на крыши не залезаешь: сбиваешь пышные снеговые наросты, покрытые нежным гляncем, и обметанные поземкой сосульки шестом, отпрыгиваешь в сторону, но все равно весь в свежем снегу, как пончик в сахарной пудре.

Ладно, крылечки, эспланады и откосы цоколей с капельниками, которые только метлой возьмешь, когда старание разберет. А снег? Куда сам снег девать? На газоны? А киоск мешает? А у других ворот не на храм же бросать? То-то... И толкаешь двуручным движком снег за ворота, на проезжую часть. Имеют место частые конфликты с водителями снегоуборочных машин. Похмелье и гнев водителей свежи и беспримесны, как выпавший ночью снег.

Вконец заработавшись, сторож чувствовал себя на рассвете то Зевсом с колючим молниеносным взглядом и колючей лучистой бородой, всеильно разгребающим роскошные тела заспанных снежных облаков, одно облако свесило до крыши

Третий ход

девятиэтажки дородную рыхлую икру... то встречным мальчонкой Блаженного Августина, кружкой вычерпывающим Средиземное море.

Нередко за одну смену весь снег убрать не получалось, оставался снежный подарочек сменщику, а если мело несколько дней подряд, подарочек разрастался, и приходилось выходить всем сторожам сверх смены. Есть упоение в бою у снежной бездны на краю, снежная бездна не под ногами, а над головой, но когда балансируешь с двойной порцией снега на лопате, все равно будто на краю. Не кровь, а пот в этом бою течет рекой и леденит рубаху на спине под свитером и курткой.

Храм за ночь вбирал могильный холод из темных недр земли, как старик; но гремели железные двери, возжигались внутри лампы, свечи, румянились лики икон, и в храме начинался детский праздник. Настоящий праздник всегда детский. А «не по-детски» — уже не праздник, а форменное мучение. Да... Истинно, истинно говорю вам. Жаль, что вы уже ушли с подворья, да еще в моих валенках, что ж, во славу Божию... Хотя нет, просто у вас такие же, пардон. Или почудилось, и вы не в валенках, это я в валенках, и уже на каждого думаю, что и он должен быть непременно в валенках. Снобизм, знаете ли... Белые валенки, такие высокие, что и смотришь на людей поверх валенок. Снобизм церковного сторожа, снобизм валенка.

Случалось, близкий ночной снегопад предвлялся сильным ветром. Андрей бродил по подворью и с вызовом подставлялся ветру. Тополя вместе с Андреем противостояли ветру дюжими ветвями; а зачем, когда плакучая береза между ними покор-

Емельян Марков

на ветру и когда его нет? За нее не страшно, за нее больно — что в июне звонарь опять хмуро, словно вдруг перепутал березу с колокольней, полезет ломать ветки к Троице. А за тополя страшно, как за себя, но страшно и сладко, ведь хочется втайне жертвы, хочется, чтобы ветвь переломилась, чтобы что-то переломилось в одинокой судьбе! Но Бог милостив, он надломленное не преломляет.

* * *

Колодин побродил около храма туда-сюда, вернулся к себе в сторожевую келью.

Сторожевая келья помещалась в мансарде домика бухгалтерии. Скошенный согласно со скатами крыши потолок, высокие, на три стороны окна. Выходишь в смену, словно в морское плаванье. По большим праздникам, когда присутствовали все сторожа, в мансарде и было так же бесприютно уютно и меланхолически весело, как в кубрике. Снежные волны застыт окна, староста боцманом кричит снизу, чтоб выходили, настоятель на амвоне, как на капитанском мостике, отважно смотрит вдаль, звонарь на колокольне управляется с оледенелыми веревками, словно на рее со снастями, прихожане кишат на паперти, как рыба в неверных сетях над пучиной, а профессиональные нищие мелькают в зимнем мраке, подобно тритонам в черных волнах, с бородами, как обломки кораблекрушений. Впрочем, зимой нечасто увидишь такого тритона, в основном бабушки-пенсионерки с пластмассовыми одноразовыми стаканчиками для мелочи в пугливых руках. Самодеятель-

Третий ход

ность! А профессиональные нищие то ли в спячку погружаются, то ли, как и полагается тритонам, уходят на дно, то ли мигрируют в теплые края, то ли боятся, что их снег заставят убирать, во всяком случае, в подавляющем большинстве своем исчезают. И появляются только вместе с подснежниками, сами весенние, посвежевшие, как подснежники, и такие же синие; дефилируют по подворью, норовят пробраться в туалет, с удобством соснуть на чистом белом унитазе, уронив в забытии голову; сторожа их гонят от туалета, кричат истерично: «За ворота, за ворота!..», — и нищие неспешно и величественно удаляются за ворота. А как осенью они сбиваются в стаю и сидят в куче жухлых листьев за облупленными гаражами соседнего жилого дома? Сидят немо, живописно, взирают всяк в свою сторону, кажется, вот сейчас запоют, но они не поют, а все равно кажется — нет, нет! еще мгновение — и запоют! Но...

Колодин сел за письменный стол перед амбарной книгой. Он опять и опять медлил внести запись о факте своей вахты. Поздний вечер, опустело подворье, что надо? Почему не расписываешься в минувшем дне? Вон другой сторож, татарин, только прибежит на всех парах, так сразу, не раздеваясь, за стол, сохранно сопит, записывает. Почему не расписался? Со сговорчивой улыбкой глянет и сразу отводит красивые глаза, даже в толпе воскресной заметно, как он за спинами прихожан глаза прячет. Обрюзглый, но глаза красивые, у него дочь-красавица. В глазах — дочь, вот и отводит красоту ревниво, чтобы не испугать. Больно красива дочь. Я вот сразу расписываюсь... Как